

НАИМЕНОВАНИЯ ДЕТЕЙ, ОБРАЗОВАННЫЕ С ПОМОЩЬЮ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА, В ПЕРМСКИХ ГОВОРАХ¹

В русских говорах распространенным способ образования новых слов является метафорический перенос. Предметом настоящей работы являются метафорические наименования детей. В этой ТГ можно выделить следующие подгруппы, в которых метафорические наименования наиболее частотны: 1) собирательные существительные, называющие детей, 2) слова, имеющие значение ‘непослушный ребенок’, ‘подвижный, непоседливый ребенок’; 3) лексемы, служащие для номинации детей по внешнему виду. Вслед за Г.Н. Складневской под языковой метафорой мы будем понимать «вторичную косвенную номинацию при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента» [Складневская, 12].

Группа единиц, характеризующих детей по внешнему виду, содержит большое количество метафорических наименований. В этой группе чаще всего используется модель переноса ПРЕДМЕТ → ЧЕЛОВЕК. Лексемы, входящие в группу, не только характеризуют внешний вид, но и указывают на состояние здоровья ребенка, слова этой группы противопоставляются по признаку ‘здоровый, крупный’ / ‘нездоровый, хилый ребенок’.

Вещеморфные метафорические именованья более всего распространены в тематической группе, характеризующей детей по внешнему виду: *ёлтыш*, *елтышо'к* “о полном ребенке” (*Ребёнок толстой, дак называют ёлтыш*. Акчим Краснов.; *Который сытенный углашек – его называют елтышок*. Акчим Краснов. (Акчим. сл., 1, 270)); *к'адочка* “о здоровом полненьком ребенке” (*Она-то на коленях чё ли сидит? Кадочка!* Акчим Краснов. (Акчим. сл., 2, 30)); *оскомёлок* “о здоровом, крепком ребенке” (*Оскомёлок – это такой крепкой, здоровый ребёнок*. Купчик Черд. (КСРГСПК)); *охло'нок* “о маленьком, худеньком ребенке” (*Ребетишек, если маленький да худенький, дак: смотри, какой охлонок!* Акчим Краснов. (Акчим. сл., 3, 151)); *песте'рь* ‘о полном ребенке’ (*Который толстый, дак скажут: у, какой песте'рь!* Пянтег Черд.; *Еишо вот говорят, если углан полный и здоровый, – песте'рь*. Вильгорт Черд. (КСРГСПК)); *полозочек* “о ребенке или человеке с прямой спиной (без искривления позвоночника)” (*Горбаты. Дак вот и зовём сами себя. А ты уж премой, ползочек премой*. Акчим Краснов. (Акчим. сл., 4, 88)), *то'рба* ‘толстый ребенок’ (*Она с самого детства торба была; уж в кого уродилась – не знаю*. Фоки Чайк.; *Он ведь такой торба, тяжело, поди*. Шабурь Част. (СПГ, 2, 441)); *фи'стулка* “о ребенке, слабом здоровьем” (*А мальчик тугоныко растёт, фистулка, худенькой, маленькой*. Володино Сол. (СПГ, 2, 492)); *черепе'ня* ‘о толстом, неуклюжем ребенке’ (*Ну и черепе'ня же у их махонькой-то ребятенка, поднять не могу*. Пальники Част. (СПГ, 2, 527)); *чу'рочка* “о полной девочке” (*Ой, какая-де чурочка, толстая девочка у неё! А мальчик – [скажут] как вайбак*. Акчим Краснов. (Акчим. сл., 6, 211)).

В основе переноса часто лежит сравнение здорового или полного ребенка с отрезками дерева: *ёлтыш* “обрубок бревна, обычно короткий и толстый” (Акчим. сл., 1, 270), *чу'рочка* ← чурка (то же, что ёлтыш); *оскомёлок* “остаток, обрубок полена, от которого щепали лучину” (СРНГ, 24, 14). Иногда подобного рода вещеморфные метафоры служат для наименования детей по другим признакам: *баклан*, *баклашек* ‘короткий толстый обрубок дерева’ → *бакла'н*, *бакла'шек* ‘ребенок’ (*В школу-то меня мама не отпустила, все с бакланами водилась, четыре сестры было младше меня*. Шульгино Бер. (СПГ, 1, 17); *Нас в семье-то девятёро баклашков было, а мама уж не робила*. Красный Яр Киш. (СРГЮП, 1, 37)); *охлупень* “бревно (обычно выдолбленное снизу в виде желоба) на гребне двускатной крыши, которое прижимает концы тесин кровли, а также бревно, покрывающее его сверху” (СРНГ, 25, 35-36) → *охлу'пень* ‘о непослушном ребенке’ (*Мало ли кто колды не слушается, «ах ты охлупень», – говорили*. Пянтег Черд. (КСРГСПК)); *чурка*, *чурбан* ‘обрубок бревна’ → *чурба'н*, *чу'рка* ‘внебрачный ребенок’ (*Зауглёнок, беззаконный, чурбан зовут*. Покча Черд.; *Под забором нажила, подзаборником зовут*. Чурка ты. Чурбан ешо зовут. Покча Черд. (КСРГСПК)).

Полный ребенок может также сравниваться с предметом, предназначенным для переноски вещей: *то'рбой*, *песте'рём* (оба слова имеют значение “приспособление типа плоской корзины, сумки, коробка с крышкой, сделанное из лыка или бересты, которое носят за спиной” (Акчим. сл., 4, 40). Перенос основан на сравнении внешнего вида предмета и полного ребенка, кроме того, названия предметов и ребенка объединяет общая сема – ‘ноша’, которая, в частности, реализуется в пословице «Своя ноша не тянет». В пермских диалектах она представлена другим вариантом: «*Береги здоровье, семью заводись. Как жо поди не надо? Свое котомы плечи не натянет*». Носково Юрл. (КСРГСПК)). В

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке грантов РГНФ 11-34-00330 а2 «Материальная и духовная культура в лексике и фразеологии Пермского края»; РГНФ 12-34-01043 «Традиционная культура Пермского края по данным лексики говоров и памятников письменности Пермского края».

пермских говорах зафиксированы также ласковые обращения к маленькому ребенку, образованные от корня *пестер'*: *пестерёнушко* (*Пестерёнушко ты мой*. Вильва Сол. (СПГ, 2, 95)) и *пестерько'* (*Ух ты мой пестерь, пестерько, пестерёнушко*. Каргино Ильинск. (СПГ, 2, 95)).

Для номинации непослушного ребенка в пермских говорах используется фразеологизм *нековырянный пестерь* (*Пестерь ты нековыренный*. Пянтег Черд. (КСРГСПК)). В русских говорах одним из значений глагола *ковырять* является “подплетать посредством кочедыка низ нового лаптя пенькой или лыком для прочности, чинить таким образом старые лапти” (СРНГ, 14, 39). Пестерь изготовлялся из лыка или бересты и, по отзывам диалектоносителей, плетется так же, как лапоть. Таким образом, можно предположить, что прямое значение словосочетания *нековырянный пестерь* – ‘нечиненый пестерь’, т.е. негодный для употребления в быту.

По принципу внешнего сходства полный ребенок может также сравниваться с предметами посуды, таковы, например, наименования *ка'дочка* ← *кадочка* “уменьш.-ласк. кадка” (Акчим. сл., 2, 30) и *чере'ня* ← *чере'ня* “чашка, миска, горшок, обычно из глины” (СПГ, 2, 527).

Используются вещеморфные метафоры и для обозначения маленького, худого ребенка: *охло'пок* “лоскут, тряпка” (СРГСУ, 3, 98), *фи'стулка* ← *фистула* “одностовольная (позднее и многостовольная) флейта” (ССРЛЯ, 16, 1414). В говорах худоба ребенка приравнивается к болезненности, поэтому значение таких слов включает сему ‘нездоровый’.

Вещеморфная метафора встречается также в наименованиях беспокойного и подвижного, непоседливого ребенка: *балала'йка* (*Сейчас-то работы тоже хватат. Старших пятеро, да ещё эту балалайку принесут, никакого покою с ней нет*. Березовка Ус. (СПГ, 1, 18)); *веретёшко* (*Вертится, дак веретёшко зовут*. Черд.; *Веретёшко, колда уж ишибко удалой ребёнок*. Пянтег Черд. (СРГСПК, 1, 205)); *звздо'к* (*Колька растёт навёртыш; такой звздох, не усидит нисколь на месте*. Мусонькино Караг. (СПГ, 1, 159)); *сверло'* (*Внук-то прыткий у ей, ишибко сверло*. Черд. (КСРГСПК)). В первом случае перенос связан со сравнением звука балалайки и плача ребенка, три других слова возникают в результате появления нового значения у лексем, обозначающих предметы, которые могут вращаться.

Используется вещеморфная метафора также для обозначения новорожденного мальчика: *топо'рик* (*Кормилец родится, парень – топорик родился (говорят), мужик!* Акчим Краснов.; *Родится девочка – её преллей (прялей) называют. Прелля. Это для матери (помощница). А топорик – парень родится, это для отца*. Акчим Краснов. (Акчим. сл., 6, 30)). Переносное значение слова связано с представлением о том, что мальчик – будущий работник, помощник отцу, топор же является символом работы, которую выполняет мужчина.

На втором месте по распространенности среди метафорических наименований детей находится модель переноса ЖИВОТНОЕ → ЧЕЛОВЕК, когда дети сравниваются с животными, птицами, насекомыми. Так, при номинации непослушного ребенка часто используется зооморфная метафора: *ба'лька* (*Бальками овец называли. Или даже вот девочек называли бальками, такие вот бойкие да чё*. Бондюг Черд.; *Балька руку проколола, ящик раскрывала. Рана закровила, а на полу кровь накровила*. Акчим Краснов. (СРГСПК, 1, 55)); *ве'ищица* (*Веищица – название, настоящая веищица. Веищица – девка бойкая больно, вольная*. Камгорт Черд. (СРГСПК, 1, 227)); *си'вко* (*Всяко называм [детей]: сивко ругаю, досадит ишибко мне дак*. Макарово Черд. (КСРГСПК)); *стриж* (*Иногда называют стрижи: он такой, стриж, чё-нибудь утаишыйт, напроказничат*. Акчим. Краснов. (Акчим. сл., 5, 153)).

Используются подобные метафорические переносы и при назывании подвижных, непоседливых детей: *козёл*, *баранчу'к* (*Ему уж надо поворачиваться. Ох, какой бойкой, ох и баранчук! Ох и козёл, козенок!* Акчим Краснов. (Акчим. сл., 2, 50)); *со'йка* (*Что, сойка, набегалась?* Разепино Кунг. (СПГ, 2, 370)); *су'нега* (*Ну, девка растёт, вот сунег, на месте не посидит, скачет ровно как заяц с места на место, бойкая до чего*. Соликамск (СПГ, 2, 419)). Перенос в этой группе осуществляется на основании сравнения поведения ребенка (его резвости, быстроты, непослушания) и поведения животного или птицы.

Метафорический перенос от названий насекомых используется в наименованиях маленьких детей и в группе собирательных существительных. Так, для обозначения маленького ребенка используются слова *каза'рка* ← *казарка* “букашка, козявка” (*Ах ты, казарка такая, бежи ну-ко к бабушке!* Трушники Чернуш. (СРГЮП, 1, 363)); *кло'пик* (*У них как год – снова новый клопик*. Сёйва Гайн. (СРГКПО, 120)); *кома'р* (*Я чё, ещё вовсе комар был, посадят на лошадь боронить*. Базуево Гайн. (СРГКПО, 125)); *мизги'рь* ← *мизгирь* “паук” (*На полях-то в войну вот такие мизгири работали, совсем пацаны*. Таман Ус. (СПГ, 1, 516); *Ты сиди, мизгирь, не мешайся под ногами*. Базуево Гайн. (СРГКПО, 148)). Такого рода сравнения основаны на признаке ‘нечто небольшое, маленькое по размеру’, кроме того, они подчеркивают возраст ребенка.

Некоторые собирательные существительные, называющие детей, в пермских говорах также образованы от энтомосемизмов: **гнус** (*Ребят-то расплодилось, какой гнус. Полна изба. Мартино Краснов.; Гнус, сарынь, орда* – [дети] до 12 лет. Сыпучи Краснов. (КСРГСПК)); **о'вод** (*Муж в Соликамску хотел ехать, куды бы с оводом-то девались. Толстик Сол. (СПГ, 2, 29); Надоедят оне, овод такой. Это ребята же оводицо. Найданово Черд. (КСРГСПК); саранча'* (*Сарынь – это саранча. Покча Черд.; Мелочь-то ишо есь – это уж иначе, третье название – саранча. Пянтег Черд. (КСРГСПК)*). Фразеологизм **оси'ное (о'сье) гнездо'** 'о большом количестве детей в семье' (*Осиное гнездо, дак конечно, осиное гнездо! Ос-то сколь в гнезде! Видала? Вот, мол, выводок какой, их наплодилось! Это к ругани относится. Скотины там, или курей, или детей много – вот и скажут: осиное гнездо. Акчим Краснов.; Плодистая? Это обида на бабу, плодистая, многодетная. Осье гнездо называли, много детей когда. Акчим Краснов. (КСРГСПК)*) также образован на основе подобного переноса. В говорах у слов **гнус**, **овод**, **саранча** сохраняется, кроме собирательного обозначения маленьких детей, сохраняется первое, прямое значение 'летающие насекомые'. Метафорический перенос происходит на основе семы 'нечто мелкое, маленькое', а также признака множественности. Это значение реализуется также в таких собирательных существительных, обозначающих маленьких детей, как *малоросье, малё, мелкоша, мелкоть, мелочь, мелюзга*. Кроме того, переносное значение формируется на основе семы 'нечто, вызывающее отвращение, неодобрение', так как для именования детей используются языковые единицы, обозначающие кровососущих (гнус, овод), жалящих (осы) и приносящих вред посевам своей прожорливостью (саранча) насекомых.

Ю.А. Кривошапова, характеризуя энтомологическую лексику в этнолингвистическом аспекте, замечает, что «нейтральный признак “маленький” размер легко трансформируется в оценочный “презренный, ничтожный”» [Кривошапова, 8]. Это высказывание подтверждается и тем, что у слова **гнус** в пермских говорах существуют такие значения: 1) «о грязном, неопрятном человеке, обычно ребенке» (*Гнус – ругают сопливого ребёнка. Акчим Краснов. (Акчим. сл., 1, 207)*); 2) «бран. обычно применительно к шалющим детям» (*Гнусами робьят называм – всячески ухают дьк. Акчим Краснов. (Акчим. сл., 1, 207)*); 3) «о человеке, вызывающем отвращение» (*Непутёвый человек тоже гнус. Купчик Черд. (КСРГСПК)*).

В русских говорах Соликамского, Чердынского и Юрлинского районов значение 'маленькие дети' фиксируется у слова **но'мырь, но'мор** (*Номырь полно бегают. Пож Юрл. (СРГКПО, 163); Булочек настряпаю на номору, дак они едят, волочат. Редикор Черд. (КСРГСПК)*) и производных от него **номыря'та, номоря'та** (*Номырят-то наплодили полно, чем и кормить. Пож Юрл.; Вон номорята по улице бегают. Юм Юрл. (СРГКПО, 163)*). Лексема является заимствованием из коми-пермяцкого языка, в котором *номыр* имеет несколько значений 1) 'червь, червяк, черви', 2) скопление мелких насекомых, 3) перен. выводок, множество детей (КПРС, 277). В русских говорах севера Пермского края отмечены два последних значения, которые, возможно, были заимствованы одновременно. Однако в коми языке отмечается только первое 'червь, червяк, червячок' (ССКЗД, 244), поэтому нельзя исключить, что два новых значения возникают на территории, где сосуществовали русский и коми-пермяцкий языки или были языковые контакты представителей этих народов.

Для собирательного именования детей используется также зооморфная метафора, когда перенос осуществляется с названия совокупности рыб, их покрова или с названия массы зародышей (яиц). Так, в говорах Пермского края существует многозначное слово **руно'**, значения которого объединены общей семой 'множество чего-либо, кого-либо': 1. «стая, косяк (о рыбе)» (*Рыба, она табуном ходит, руном и живёт; скоко икры выйдет, вся мелочь вырастет. Вильва Сол. (СПГ, 2, 307)*); 2. «рой (о пчелах)» (*Вывлетит, дак руно летит их. Губдор Краснов. (СПГ, 2, 307)*); 3. «толпа» (*А ходили-то все руном. Ольховка Чайк. (СПГ, 2, 307)*); 4. собир. 'дети' (*Надо ведь руно-то этако кормить, угланов-то семеро ведь их, подумать страшно. Черд.; У меня людно внуков, дак я руно и зову, челядёнки да челядь. Черд. (КСРГСПК)*). Семантика множественности объясняет появление у слов **но'рос** и **чешуя'** значения 'совокупность детей'. Оба слова имеют в говорах два значения: **норос** 'лягушечья икра' (*У налима икра, только у лягушки норос; Лягушечий норос – это икра, где выводятся головастики, потом лягушки. Акчим Краснов. (Акчим. сл., 3, 82)*) и 'собирательное обозначение детей' (*Детей называют ещё норос, норосьё, норосята. Елога Юрл. (СРГКПО, 164)*); у лексемы **чешуя** второе значение – то же (*Щас тоже на улице-то чешуи полно стало, вон летают. Ножовка Част. (СРГЮП, 3, 357)*).

Одним из распространенных способов образования новых значений в названиях детей является перенос ЧЕЛОВЕК-ЧЕЛОВЕК. Так, значение 'непослушный ребенок' часто возникает у слов, характеризующих взрослого человека и имеющих отрицательную, бранную коннотацию: **басала'й** «беспутный, разгульный человек или хулиган», 'хвастун, болтун', «дуралей» (СРНГ, 2, 127) → 'о непослушном ребенке' (*Вон углашек – басалай, на дворе уж темно, а он всё ишо где-то носится.*

Черепяхи Кунг. (СПГ, 1, 23)); **варна'к** “беспутный, безалаберный человек” (СРГСПК, 1, 189) → ‘проказник, озорник, шалун (о детях, подростках)’ (Варнак занимается мелкими проказами: то по огородам, то ещё что-нибудь. Покча Черд. (СРГСПК, 1, 189)); **жига'н** “пройдоха, мошенник, плут, вор” (СРНГ, 9, 165) → ‘непослушный ребенок’ (Нашему жигану больше вицой надо зад стегать, а то шибко резвой. Б. Долды Черд. (КСРГСПК)); **зимого'р** “человек, не имеющий постоянного места жительства и постоянного заработка” (Акчим. сл., 1, 344) → ‘о непослушном ребенке’ (Зимогоры, не слушаются нисколь, они погодки [о внуках]. Аниковская Черд. (КСРГСПК)). Значение ‘непослушный ребенок, проказник, озорник’ фиксируется в пермских говорах также у лексем **банди'т, реста'нт, у'рка, шпана'**: Не играй с этим бандитом. Черд. (СРГСПК, 1, 56); [Ребятишек называли]: зимогор, шпана, урка, когда напроказят. Вильгорт Черд. (КСРГСПК); Такой рестан растёт, сладу с ним нет. Калиновка Чернуш.; Они (робята) ведь рестанты нончѐ. Ключи Сукс. (СПГ, 2, 289).

Фитоморфная метафора в наименованиях детей практически не используется. Хотя в пермских говорах у слова **ника'н** (борщевик) есть значение ‘о хилом ребенке’ (Тот как-то ловкой был, не хворал, его хоть веди куды, хоть неси, а этот – кисляк. Ох ты, пикан! Акчим Краснов. (Акчим. сл., 4, 43)), перенос осуществляется не с названия растения, а с продукта питания. Пиканы часто заготавливали квашением, т.е. делали кислыми. Появление метафорического значения у слова **пикан**, таким образом, связано с существованием у слова **кислый** в говорах значения ‘обладающий слабым здоровьем, слабый, болезненный’ (Акчим. сл., 2, 44). В пермских говорах отмечается еще несколько переносных наименований, образованных от названия кушаний: **парѐнка** “пареная в русской печи репа, свѐкла, морковь, брюква” → **парѐнка** “о розовощеком ребенке” (Ребѐночек лежит в одеяла закутан, прямо парѐнка. Урмия Окт. (СРГЮП, 2, 288)); **творожничек** ‘шаньга с творогом’ → **творо'жничек** ‘изнеженный ребенок’ (Сызмалетства избалуѐшь робѐнка, а после не знашь, куды деваться с эким творожнищком. Большие Долды Черд. (КСРГСПК)). Появление у слова **парѐнка** метафорического значения вызвано сравнением цвета продукта и красных щек ребенка. Переносное значение лексемы **творожничек** основано на сравнении мягкой консистенции выпечного изделия и слабохарактерности избалованного ребенка.

Как уже было упомянуто, фитоморфная метафора для названий детей в пермских говорах фактически не представлена, однако существуют переносные наименования с названия грибов. Такого рода метафоры используются для номинации детей по внешнему облику, физическому здоровью/нездоровью, для называния маленьких детей. Так, нездоровый ребенок в пермских говорах получает наименование **оба'бок** (Кислый, худой. Раскис обабок-то... Кривульки ноги. Не ходят, не бегают. Акчим Краснов. (Акчим. сл., 3, 86)), а здоровый, крепкий – **груздичо'к** (Вот, мол, такой груздичок, когда ребѐночек чистый, умытый. Акчим Краснов. (Акчим. сл., 1, 218)). Перенос основан на сравнении внешнего вида грибов и детей: у обабка (подберезовика) большая губчатая шляпка и тонкая ножка, груздь же имеет плотную, белую мякоть. Перенос с наименования гриба использован и в лексеме **опѐныш** “ребѐнок 3–5 лет” (Отец погиб – эки же опѐныши были, старшему было пять лет. Тетерина Сол. (СПГ, 2, 43)). Метафора основана на сравнении по признаку ‘небольшой, маленький’.

Итак, распространенным способом в образовании наименований детей является метафора. Наиболее распространены в пермских говорах вещеморфная, зооморфная и антропоморфная метафоры. В наименованиях детей часто используется перенос названия с отрезка, обрубка дерева, что можно объяснить как внешним сходством сравниваемых предметов, так и особой ролью дерева в традиционной культуре. В собирательных наименованиях детей и названиях непослушных детей распространена зооморфная метафора. Непослушные дети часто сравниваются с различными животными и птицами. Совокупность детей может получать наименование путем переноса с названия насекомых. Чаще всего значение ‘дети, детвора’ может возникнуть у слов, включающих семы: ‘множество’, ‘нечто небольшое, маленькое’, ‘нечто, приносящее ущерб’. Слова, обозначающие множество детей, нередко обладают отрицательной эмоциональной окраской. Таким образом, в лексике отразилось мировоззрение крестьян, которые жили бедно и трудно, но в то же время имели большие семьи, и маленькие дети, еще неспособные к тяжелому крестьянскому труду, воспринимались как лишние рты.

ЛИТЕРАТУРА

Акчим.сл. – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). Пермь, 1984-2011. Вып.1-6.

КПРС – Коми-пермяцко-русский словарь / Сост. Р.М. Баталова, А.С. Кривошекова-Гантман. – М., 1985.

Кривошапова Ю.А. Русская энтомологическая лексика в этнолингвистическом освещении. Автореф. канд. дис. Екатеринбург, 2007.

КСРГСПК – Картотека Словаря русских говоров севера Пермского края, хранящаяся на кафедре общего и славянского языкознания ПГНИУ.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 1993.

СПГ – *Словарь* Пермских говоров: В 2 т. Пермь, 2000-2002.

СРГКПО – *Словарь* русских говоров Коми-Пермяцкого округа. Пермь. 2006.

СРГСПК – *Словарь* русских говоров севера Пермского края. Пермь, 2011. Вып. 1.

СРГСУ – *Словарь* русских говоров Среднего Урала: в 7 вып. Свердловск, 1964-1988.

СРГЮП – *Словарь* русских говоров Южного Прикамья. Пермь, 2010–2012. Вып.1–3.

СРНГ – *Словарь* русских народных говоров. М.-Л., СПб., 1965-2011. Вып. 1-44.

ССКЗД – *Сравнительный словарь* коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961.

ССРЛЯ – *Словарь* современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950-1965.

СОКРАЩЕННЫЕ НАЗВАНИЯ РАЙОНОВ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Бер. – Березовский район, Гайн. – Гайнский район, Ильинск. – Ильинский район, Караг. – Карагайский район; Киш. – Кишертский район, Краснов. – Красновишерский район; Кунг. – Кунгурский район; Окт. – Октябрьский район, Сол. – Соликамский район; Сукс. – Суксунский район, Ус. – Усольский район, Чайк. – Чайковский район, Част. – Частинский район, Черд. – Чердынский район, Чернуш. – Чернушинский район, Юрл. – Юрлинский район.